

Работа выполнена на кафедре археологии и этнографии
Гуманитарного факультета в Новосибирском государственном
университете

Научный руководитель: доктор исторических наук, академик РАН,
проф. В.И. Молодин

Официальные оппоненты: доктор исторических наук, проф.
Н.И. Дроздов
кандидат исторических наук Е.С. Богданов

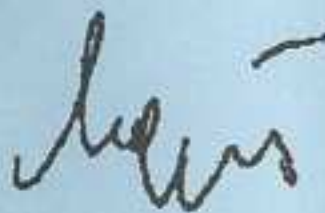
Ведущая организация: Институт монголоведения, буддологии
и тибетологии СО РАН

Защита состоится 25 декабря 2006 г. в 13-00 час. на заседании
Диссертационного совета Д 003.006.01 по защите диссертаций на
соискание ученой степени доктора наук в Институте археологии и
этнографии СО РАН по адресу: 630090 г. Новосибирск, проспект
академика Лаврентьева, 17.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института
археологии и этнографии СО РАН

Автореферат разослан « 20 » ноября 2006 г.

Ученый секретарь
Диссертационного совета
доктор исторических наук

С.В. Маркин

Цыбиктаров Валерий Александрович

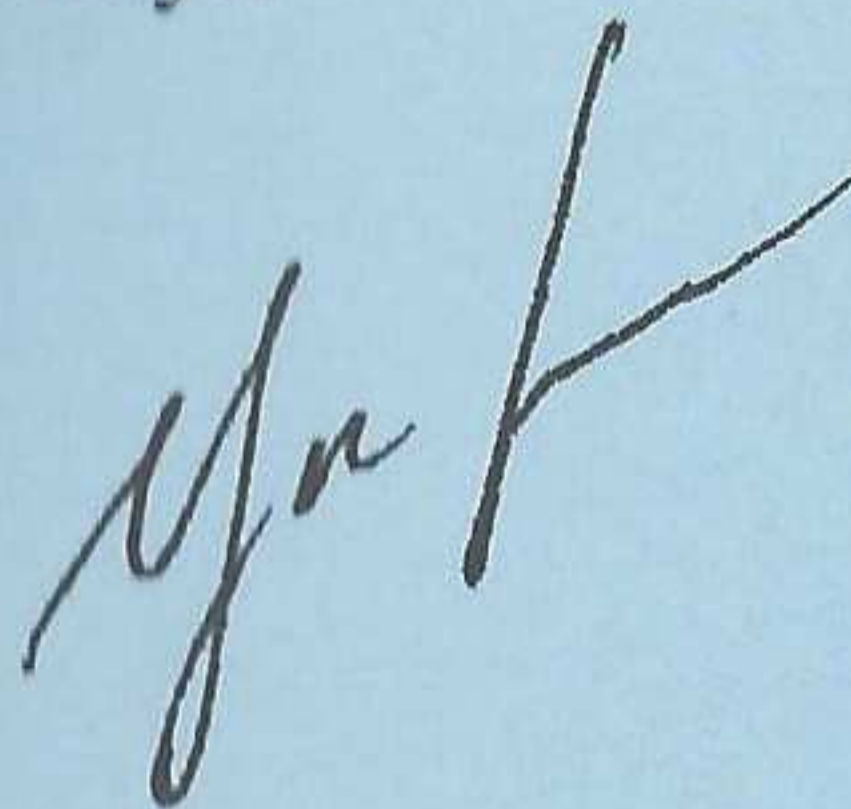
ПЕТРОГЛИФЫ ЗАБАЙКАЛЬЯ

**(вопросы формирования источниковой базы,
историографии и культурно-исторической интерпретации)**

Специальность 07.00.06 – археология

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Новосибирск - 2006

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы. Наскальные изображения - один из древнейших видов искусства, появившийся в далекие времена дописьменной истории человечества. Они помогают понять духовный мир, реконструировать экономическую и социальную жизнь древних обществ, этнокультурные процессы. Для более полного их понимания необходимо иметь достоверные сведения об этих памятниках, а также о проблемах их изучения. На территории Российской Федерации выявлено значительное количество пунктов наскальных изображений, образующие особые ареалы наскального искусства.

Одним из таких ареалов является Забайкалье. Изучение истории исследования петроглифов региона включает два основных аспекта: историю формирования источниковой базы и историю научной интерпретации содержащейся в них информации, т.е. формирования идей и подходов к решению связанных с ними проблем. Эти направления рассматривались в отдельных статьях, вводных разделах монографий по данным памятникам. Впервые обзор истории открытий и научного осмысления писаниц Забайкалья с XVIII в. до 60-х гг. XX в. дал академик А.П. Окладников в статьях конца 1940 - 1950-х гг. и монографии «Петроглифы Забайкалья» (1969-1970 гг.). Определенный вклад в разработку указанных аспектов внесли А.И. Мазин, А.В. Тиваненко, Н.Н. Диков и др. Касаясь общей оценки их вклада в освещение историографии петроглифов Забайкалья необходимо отметить, что они обычно ограничивались хронологическим перечнем наиболее значительных открытий и крупных изданий. Таким образом можно констатировать, что в существующей литературе по археологии Забайкалья не имеется специальных работ, направленных на решение задачи создания целостной картины формирования источниковой базы по петроглифам региона и разработки представлений по различным аспектам их изучения. Не умаляя значения работ А.И. Мазина, А.В. Тиваненко и др. исследователей, отметим, что указанные направления в их трудах освещены в недостаточно полном объеме. Объясняется это тем, что они ставили перед собой иные задачи - публикацию материалов открытых петроглифов, разработку вопросов их хронологии и культурной принадлежности, выяснение семантики и т.д. Очевидно, что в настоящее время назрела необходимость в специальной работе по указанным аспектам изучения писаниц Забайкалья.

Цели и задачи. Исходя из выше сказанного, можно сформулировать *цель* нашей диссертационной работы. Она заключалась в освещении процесса изучения петроглифов Забайкалья. Для достижения поставленной цели были поставлены следующие *задачи*: 1. выявить всю совокупность имеющейся литературы и архивных материалов, которые составили ис-

точниковую основу диссертации; 2. осветить историю полевых исследований и формирования источниковой базы по петроглифам Забайкалья; 3. рассмотреть динамику разработки хронологии этих памятников; 4. проследить эволюцию взглядов исследователей по различным аспектам интерпретации материалов писаниц (семантика, культурная и этническая принадлежность), оценить вклад каждого из исследователей в их изучение, высказать критическое отношение к решению некоторых аспектов изучения забайкальских писаниц; 5. выделить основные этапы исследования петроглифов Забайкалья.

Объектом исследования диссертации является история изучения петроглифов Забайкалья. **Предметом исследования** является процесс создания источниковой базы и разработки научных представлений о памятниках наскального искусства Забайкалья.

Хронологические рамки диссертации охватывают период с 30-х гг. XVIII в. до наших дней.

Территориальные рамки исследования включают Забайкалье от восточного побережья оз. Байкал до слияния рек Шилки и Аргуни и прилегающие районы Монголии. Это связано с тем, что на означенных территориях распространены петроглифы определенных типов, характерные именно для данных областей Сибири и Северной Монголии.

Источниковую базу исследования составили опубликованные и неопубликованные материалы по изучению петроглифов Забайкалья. Они представлены двумя группами: опубликованными и хранящимися в архивах ИА РАН, ИИМК РАН, музеях и личных архивах. *Первую группу* источников составляют опубликованные научные работы информационного и аналитического характера: монографии, статьи, материалы конференций, авторефераты диссертаций. *Вторая группа* источников представлена архивными материалами: полевыми отчетами, дневниками и письмами исследователей.

Методы исследования. В качестве методической основы использованы следующие принципы. *Принцип историзма*, который не допускает модернизации исторических процессов и событий, предполагает их рассмотрение применительно к условиям конкретной исторической обстановки. *Принцип всесторонности и комплексности* дал возможность подвергнуть тщательному анализу факты изучения забайкальских писаниц не в отрыве друг от друга, а в общей их совокупности и объективно оценить их значение. Из исторических методов в диссертации использован *сравнительно-исторический метод*. Он позволил рассмотреть историю исследования писаниц в хронологической последовательности с 30-х гг. XVIII в. до наших дней и, в конечном итоге, проследить эволюцию взглядов и трансформацию идей во времени. Данный метод дал возможность сопоставить результаты деятельности ученых в разные исторические периоды, оценить вклад отдельных исследователей, выявить общее и осо-

бенное в их взглядах на осмысление содержания и значения петроглифов как исторических источников, и, в конечном итоге, выделить основные этапы исследования забайкальских писаниц. *Методы статистической и компьютерной обработки информации* позволили унифицировать данные по объекту исследования, а также более доказательно сформулировать основные выводы.

Научная новизна исследования состоит в том, что в нем впервые изучен и систематизирован значительный объем материалов по истории формирования источниковой базы петроглифов Забайкалья и осмысления проблем, связанных с анализом и интерпретацией этих памятников. Предпринята попытка представить целостную картину истории полевых и камеральных исследований петроглифов на протяжении почти 300 лет. Предлагается периодизация истории изучения забайкальских писаниц и оценка достижений каждого из периодов, прослежена динамика полевых изысканий, дается оценка вклада исследователей в разработку проблематики этих памятников.

Практическая значимость. Материалы и выводы исследования могут быть использованы при написании обобщающих научных работ, учебников и учебных пособий, научно-популярных изданий, разработке специальных курсов по археологии и истории наскального искусства Сибири и сопредельных территорий, паспортизации и созданию свода петроглифов Забайкалья, а также их музеефикации.

Апробация работы. Основные положения диссертации излагались на региональных конференциях в Чите (1999), Новосибирске (2000), Барнауле (2001), Томске (2003), Улан-Удэ (2004). Результаты исследования отражены в 13 научных публикациях.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, списка источников и литературы, сокращений и приложения (таблицы хронологии открытий петроглифов, вклада исследователей в создание источникового фонда, статистические таблицы, графики, диаграммы, иллюстрации).

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Введение

Обосновывается актуальность темы диссертации, её научная новизна, определены цели и задачи, объект и предмет, территориальные и хронологические рамки исследования, охарактеризованы источники и методы исследования, показана практическая ценность работы, обоснована структура диссертации.

Глава I. История полевых исследований и формирования источниковой базы петроглифов Забайкалья

Изучаемые процессы рассмотрены в соответствующих параграфах по трем периодам: 30-ые г. XVIII в. - 1917 г.; 1920 - конец 1960-х гг.; 1970 - 2000-ые гг. В Забайкалье памятники наскального искусства выполнены в различной технике: минеральной краской, выбивкой, гравировкой, шлифовкой. Изображения, нанесенные краской, принято называть росписями, а путем нанесения углублений на скальную поверхность - петроглифами. Однако в забайкальской археологии с давних пор к наскальным рисункам, различающимся способом нанесения, в качестве равнозначных понятий используют термины «писаницы» и «петроглифы». В данной работе мы придерживаемся этой традиции и указанные термины используем как синонимы.

§ 1. Начало создания источниковой базы по забайкальским писаницам в дореволюционный период (30-е гг. XVIII в. - 1917 г.)

Петроглифы Забайкалья привлекли внимание исследователей еще в дореволюционной России. Начало их изучения связано с деятельностью Великих академических экспедиций XVIII в. Впервые на писаницы в забайкальских степях указал академик Г.Ф. Миллер в 1735 г. Позже они привлекли внимание известного натуралиста Э. Лаксмана и инженера П.К. Фролова. Исследования продолжились уже в XIX в. В 1848 г. финский этнограф и лингвист М.А. Кастрен открыл писаницу Хотогой-Хабсагай. В конце 50-х гг. на ней побывал смотритель училищ Верхнеудинского округа Д.П. Давыдов. В середине XIX в. петроглифы по Селенге изучал декабрист Н.А. Бестужев. В 1865 г. в Восточных Саянах наскальные рисунки выявил П.А. Кропоткин. В 1895 г. А.П. Мостиц, член Троицкосавско-Кяхтинского Отделения Приамурского Отдела Императорского Русского Географического Общества, обнаружил писаницу Усть-Темник. В конце XIX в. краевед Н.В. Кириллов выявил памятники в Хайцагаре и в Малом Гутае. В это же время геолог В.А. Обручев обнаружил писаницу у д. Ганзурино.

Перечисленными фактами ограничиваются сведения об изучении наскальных рисунков Забайкалья в дореволюционное время. За почти двухсотлетний период было зафиксировано 12 упоминаний о петроглифах, но лишь у 7 местонахождений известны названия, хотя на самом деле было открыто, видимо, больше памятников. Вместе с тем не все исследователи привели сведения о точном их количестве (например Г.Ф. Миллер). Открытия были разделены значительными промежутками времени от нескольких десятилетий до полувека. Отмеченные особенности позволяют заключить, что в дореволюционный период изучение петроглифов Забай-

каля носило эпизодический и бессистемный характер, и они еще не стали предметом специального внимания ученых. Однако, несомненной заслугой исследователей XVIII - начала XX вв. является то, что они обратили внимание на эти памятники, поняли их важность как исторического источника, положили начало их изучению и созданию источниковой базы.

§ 2. Вклад исследователей 1920-1960-х гг. в формирование источникового фонда петроглифов Забайкалья

С середины 1920-х гг. наблюдаются резкие изменения в изучении забайкальских памятников наскального искусства. Это было связано с принципиальными новациями в развитии исторической науки, происшедшими в послереволюционной России. Археологическое изучение края было поставлено на планомерную основу, что обусловило значительный рост объема полевых исследований. В 1925 г. А.К. Кузнецов, директор Читинского музея, обнаружил писаницу Хутор, а В.В. Попов, ученый секретарь Бурят-Монгольского научного общества - рисунки в Мухоршибири. В 1927 г. А.П. Окладников, впоследствии академик, открыл петроглифы на Фофановской горе у Кабанска. В тот же год В.В. Попов выявил писаницы Гол-Тологой и Зальтира. В 1935 г. Г.П. Сергеев открыл рисунки у с. Сотниково недалеко от Улан-Удэ. В 1935-36 гг. аспирант ГАИМК Э.Р. Рыгдылон обнаружил петроглифы Бичикто-Байс, Мондогор-Хабсагай и др. на территории Бурятии.

Итак, за сравнительно небольшой период с середины 1920-х до середины 1930-х гг. в Забайкалье была выявлено 11 памятников, т.е. почти столько же, сколько за весь дореволюционный период. Однако в это время петроглифы еще не превратились в объект целенаправленного исследования. Никто из исследователей специально ими не занимался.

После окончания Великой Отечественной войны 1941-45 гг. в Забайкалье начала работать Вторая Бурят-Монгольская археологическая экспедиция АН СССР (БМАЭ АН СССР) под руководством А.П. Окладникова. Исследование петроглифов вышло на качественно новый уровень и приняло планомерный и системный характер. Уже в сезоне 1947 г. в долинах Селенги, Джиды и Чикоя было выявлено 19 писаниц: Харанхой, Наушки, Субуктуй и др. При этом петроглифы стали изучаться на совершенно ином качественном уровне, характеризующемся максимально полной и детальной фиксацией - памятники картографировались, подробно описывались условия их местонахождения, осуществлялась графическая и фотографическая фиксация изображений и их композиций, которые сопровождалась детальным описанием. Исследования получили продолжение в 1948 г., было открыто 11 памятников: Бага-Заря, Боо, Поворот и др. В 1949 г. экспедиция выявила еще 10 новых петроглифов: Оргойтон, Чомник, Нарин-Хундуй и др. Хотя количество открытых памятников уступало открытиям 1947 г., но необходимо учесть, что с каждым годом станови-

лось все труднее их выявлять. Поэтому пополнение источникового фонда 11 и 10 новыми писаницами следует считать весьма существенным.

В 1950 г. БМАЭ работала на территории Агинского Бурятского автономного округа и выявила писаницы в Судунтуе, Бараун-Челутае, Кондуде. В целом в 1947-50 гг. было открыто 43 памятника, что почти в 2 раза превысило количество писаниц, открытых до работ БМАЭ за предыдущие двести с лишним лет. В 1952-58 гг. было обнаружено 10 памятников. Снижение результативности по сравнению с 1947 - началом 1950-х гг. объясняется объективными причинами переноса исследований Дальневосточной археологической экспедиции А.П. Окладникова на Дальний Восток. В 1960-ые гг. была открыта лишь одна писаница Кирочи в Читинской области.

§ 3. Формирование источниковой базы петроглифов Забайкалья в 1970 - 2000-х годах

В 1970-е гг. после публикации монографии А.П. Окладникова и В.Д. Запорожской «Петроглифы Забайкалья» (1969-1970 гг.) работы по изучению писаниц заметно оживились. В 1973-1976 гг. А.П. Окладников, В.И. Молодин и А.К. Конопацкий открыли 4 местонахождения в Бурятии: Душелан, Алга и др. В 1977 г. А.В. Тиваненко обнаружил 25 писаниц: Цолга, Олентуй, Тапхар и др. В 1978 г. он открыл 9 памятников в долинах Уды, Баргузина и еще 11 выявил совместно с А.Д. Цыбиктаровым на Северном Байкале. Вместе с тем выяснилось, что подавляющее большинство известных писаниц находилось на территории Бурятии. По нашим подсчетам из почти 130 памятников около 15 располагались в прибайкальской части Забайкалья, более 100 - в западной и лишь 14 - в восточной части региона. Было очевидно, что малочисленность петроглифов в Восточном Забайкалье объясняется слабой изученностью его территории. Это подтвердили результаты исследований А.И. Мазина. В 1983 г. он открыл в Восточном Забайкалье 15 писаниц: Калашниково, Бырка и др., в 1984 г. - еще 10 памятников. В результате количество писаниц в Восточном Забайкалье возросло с 14 до 39, т.е. почти утроилось. Следует отметить существенный вклад А.И. Мазина в расширение информационных возможностей петроглифов путем раскопок выявленных рядом с ними ритуальных жертвенников. В 1990-2000-ые гг. М.В. Константинов, А.М. Мамкин, А.В. Дроботушенко, А.Д. Цыбиктаров, В.А. Цыбиктаров, В.И. Ташак, Е.В. Ташак, Н.В. Именохоев, Н.В. Цыденова выявили еще 7 новых писаниц в Забайкалье.

Обзор истории полевых исследований петроглифов на территории Забайкалья с 30-х гг. XVIII в. до сегодняшних дней показал, что за этот период времени было обнаружено 162 памятника. На основе собранных материалов были составлены таблица и график, демонстрирующие динамику формирования источниковой базы по петроглифам. Приведенный

анализ позволил выделить три периода, различающихся полнотой изучения и количеством открытых памятников.

Первый период датируется с 1735 г. до 1917 гг. Это время характеризуется небольшим количеством открытий (12 памятников), что свидетельствует об эпизодичности их исследования. **Второй период** начала 1920-х - конца 1960-х гг. характеризуется неуклонным ростом темпов полевого изучения забайкальских петроглифов, временно прерванного Великой Отечественной войной 1941-1945 гг., но затем достигшего своего апогея в трехлетие 1947-1949 гг. С начала 1950-х гг. наблюдается постепенное снижение интенсивности полевых исследований забайкальских писаниц. Всего за второй период времени был выявлено 65 новых местонахождений. **Третий период** начался в начале 1970-х гг. и продолжается в настоящее время. Он отмечен новым ростом открытий петроглифов в Забайкалье и в Прибайкалье. Было обнаружено 85 памятников, что превысило результаты второго периода на 20 местонахождений. В тоже время с 1985 г. наблюдается снижение количества выявленных памятников. За последние 20 лет было обнаружено всего 8 петроглифов.

В процессе создания источниковой базы писаниц Забайкалья приняли участие 30 исследователей. Статистическая таблица и диаграмма показали, что наибольший вклад в ее формирование внес А.П. Окладников, открывший сам и с другими исследователями 51 памятник (31,6 %). А.В. Тиваненко обнаружил 45 писаниц (27,8 %) и А.И. Мазин - 26 памятников (16,1 %).

В территориальном отношении большая часть писаниц выявлена в Западном Забайкалье - около 70 %, в Восточной части - более 20 %, в Прибайкалье - около 10 %. Писаницы располагались по долинам всех крупных рек края, однако плотность их размещения распределяется неравномерно. Около половины - 46,3 % приходится на долину Селенги. Обращает внимание сравнительно небольшое количество памятников в долинах таких крупных рек, как Чикой, Джиды и Онон, соответственно 6,2 %, 8,64 % и 3,1 %, в то время как по сравнительно небольшому Хилку их зафиксировано 14,2 %. Выявленная неравномерность в распределении писаниц по территории Забайкалья и речным долинам скорее всего отражают недостаточную степень изученности локальных районов и гидрологических систем края. Поэтому поиски петроглифов в долинах Чикоя, Джиды и Онона в будущем имеют вполне благоприятные перспективы. Распространение писаниц связано как с лесными, так и степными районами, хотя большая их часть приходится на степную зону. Сравнительный анализ памятников лесной и таежной зон может дать интересную информацию в плане их исторической интерпретации и анализа процессов, в частности этнокультурных, происходивших на территории Забайкалья.

Глава II. Разработка периодизации петроглифов Забайкалья и эволюция представлений об их историческом содержании

Сложившиеся к настоящему времени представления о петроглифах Забайкалья представляют собой результат труда многих поколений исследователей, работавших над их изучением с XVIII в. до наших дней. За это время эволюция взглядов о датировке забайкальских петроглифов и представлений об их историческом содержании прошла путь от догадок и предположений до хорошо аргументированных построений, обоснованных различными методами определения хронологии и семантическим анализом этих памятников.

§1. Выделение петроглифов каменного века и решение вопросов их интерпретации

Начало изучению писаниц каменного века Забайкалья в конце 1960-х гг. положил А.П. Окладников, датировав неолитическим временем фигуры лосей писаницы Баин-Хара. Относительно семантики было отмечено, что они служили целям охотничьей магии. В начале 1980-х гг. А.И. Мазин выделил петроглифы эпохи палеолита и мезолита на памятнике Бырка из Восточного Забайкалья. Это открытие коренным образом изменило существовавшие в то время представления о начальных этапах формирования наскального искусства в крае, удревнив на несколько тысячелетий время его появления. По наблюдениям А.И. Мазина палеолитические рисунки в Бырке были немногочисленны, выполнены краской и имели контурные очертания. При классификации сюжетов исследователь выделил изображения бизонов, носорогов, оленя, зооантропоморфные и антропоморфные фигурки и др., которые объединялись в шесть стилистико-хронологических групп. На основании сравнительного анализа стилистических особенностей и тематики сюжетов Бырки с Нюкжинской писаницей из Якутии, данных палеонтологии и артефактов из жертвенника А.И. Мазин датировал первые четыре группы палеолитическим временем, от 10,5 до 12 тыс.л.н. В целом для них были характерны схематизм, динамичность, манера нанесения изображений контурными линиями или заливкой по контуру, животные изображались в профиль. Обстоятельно были охарактеризованы особенности каждой группы.

В 1992 г. А.А. Формозов выразил сомнение по поводу палеолитической датировки изображений носорогов Бырки, полагая, что А.И. Мазин ошибочно принял изображение фантастического зверя за фигуру носорога. Однако концепцию А.И. Мазина справедливо поддержали В.И. Молодин и Д.В. Черемисин, отметив некорректность сопоставлений А.А. Формозовым стилистических особенностей полуметрового изображения носорога из Бырки и восьмисантиметровой литой фигурки из Западной Сибири, трактованной в стилистической манере, имеющей место только в Зауралье

и Западной Сибири. Существенными аргументами в пользу предлагаемой А.И. Мазиным датировки являются артефакты палеолитического времени из жертвенника, раскопанного А.И. Мазиным непосредственно под писаницей.

К памятникам позднего плейстоцена и раннего голоцена А.И. Мазин отнес петроглифы Бутихи и Средне-Шайкино. Их датировка в пределах 10,8 - 7,0 тыс.л.н. была осуществлена по материалам жертвенника и радиоуглероду. Исследователь выделил изображения животных, пятен, птиц, кабанов, изюбрей, человека, вооруженного луком, вертикальные линии. Для всех этих изображений была характерна некоторая стилизация, манера нанесения фигур контурными линиями, динамичность одних и статичность других персонажей. Животные изображались в профиль, с характерными эллипсо- и клиновидными головами. Вопросы семантики палеолитических и мезолитических петроглифов А.И. Мазин специально не рассматривал, но отметил, что они вероятно служили целям охотничьей магии.

В связи с изучением памятников наскального искусства палеолитической эпохи в Забайкалье в качестве предварительной оценки хотелось бы остановиться на датировке писаницы из грота Шаман-Горы в долине Хилка. М.В. Константинов датировал памятник временем позднего неолита - ранней бронзы. Представляется, что в состав писаницы входят рисунки не только указанного времени (фигурки человечков № 3-7), но и палеолитической эпохи. Изображения бизонов на писанице выглядят весьма архаично. Обращают внимание их крупные до 61 см в длину размеры. В этом они сопоставимы изображениями бизонов с Бырки. Сопоставимы и некоторые особенности изобразительных приемов и оформления отдельных частей туловища бизонов этих памятников. Голова, туловище и хвост животных очерчивались одной линией, а голова и шея изображены в виде закругляющегося клина. Определенное сходство прослеживается в оформлении ног некоторых животных. Нельзя не отметить сходства в композиционном построении рисунков обеих писаниц: это несомненно группы животных. Наряду с отмеченными чертами сходства имеются и различия. Бизоны из Бырки более схематичны и массивны, тогда как животные с Шаман-Горы изображены реалистичнее. Датировке эпохой палеолита не противоречат и материалы жертвоприношений под плоскостью с рисунками. Слои 3-4 по сведениям М.В. Константинова по характеру отложений были плейстоценовыми и содержали единичные находки палеолитического характера. Отмеченные различия могут объясняться хронологическими и локальными особенностями. С композицией стада бизонов органично связывается изображение двурогого человека высотой не менее 50 см, находящегося внутри стада и изображенного в сходной с бизонами контурной, вполне реалистичной манере. Голова человека передана в виде закругленного клина, одна нога в форме вытянутого треугольника, на голове

имеется два рога, похожие на бизоньи. Перед нами, вероятно, своего рода бизон-человек с посохом в руке. Он находится внутри стада и, видимо, совершает какие-то ритуальные действия, связанные с охотничьей магией.

А.И. Мазин выделил писаницы неолитической эпохи, которые по стилистическим особенностям и сюжетам с раннего неолита разделил на два стиля - таежный и степной. Не позднее конца неолита таежный стиль разделился на охотничий и олений. Первые своими корнями уходили в неолит Прибайкалья. К ним А.И. Мазин отнес рисунки лосей Усть-Цорона. Олений стиль был связан с ранними наскальными изображениями таежной зоны Приамурья и Восточного Забайкалья, а происхождение памятников степного стиля оставалось загадочным. К степному стилю А.И. Мазин отнес петроглифы Урулюнгуй I, Нортуй I, Дровяной, Цорон III и отметил для них совершенно новые сюжеты, неизвестные в более ранних писаницах: оградки с выписанными по контуру человечками, ряды округлых пятен, антропоморфные фигурки, расположенные поодиночке и цепочками, птицы и др. Указанные памятники были датированы VI-III тыс. до н.э.

Для изучения забайкальских петроглифов каменного века характерно несколько особенностей. Они изучались в комплексе с жертвенниками, которые содержали остатки приношений палеолитического, мезолитического и неолитического времени и сыграли важную роль при обосновании датировки собственно изображений. Сюжеты писаниц по большей части отсутствуют в петроглифах более позднего времени (носороги, бизоны) или имеются на петроглифах бронзового века таежной зоны, но с определенными трансформациями в трактовке образов (лоси, олени, кабаны и др.). В степной зоне в период неолита появляются новые изобразительные сюжеты, которые затем прослеживаются в духовной культуре населения бронзового века и проходят свой путь эволюции. Материалы петроглифов каменного века Забайкалья подробно описаны и классифицированы, выделены их стилистические особенности. Вместе с тем, гораздо меньше внимания уделялось вопросам их исторической интерпретации, включающей семантику образов, воспроизведение совершавшихся ритуалов и обрядов, реконструкцию роли и значения петроглифов в хозяйственной, социальной и духовной жизни древнего населения и др. аспекты. Исследователи обычно ограничивались упоминанием их служения целям охотничьей магии.

Таким образом можно заключить, что петроглифы Забайкалья каменного века в настоящее время находятся на стадии обоснования их датировки и предварительной интерпретации. Одной из первостепенных задач является расширение источниковой базы изображений этого времени. Может быть перспективной, с нашей точки зрения, изучение уже известных памятников Забайкалья в плане уточнения их датировки. Так, например, группу петроглифов селенгинского типа уже давно принято считать памятниками бронзового и раннего железного веков. Однако результаты исследований А.И. Мазина показали, что некоторые сюжеты, традиционно

считающиеся характерными для селенгинских писаниц, датируются временем позднего и даже развитого неолита. Поэтому не исключено, что некоторые из петроглифов селенгинского типа Западного Забайкалья и Северной Монголии после критического их исследования могут быть передатированы в сторону удревнения.

§ 2. Выделение петроглифов бронзового и раннего железного веков и решение вопросов их интерпретации

Петроглифы указанных эпох составляют самую многочисленную группу наскальных изображений Забайкалья. Начало их изучению было положено в 30-х гг. XVIII в. С тех пор в разработке связанных с ними проблем приняли участие такие исследователи как Г.Ф. Миллер, Э. Лаксман, М.А. Кастрен, Н.А. Бестужев, Д.П. Давыдов, Н.В. Кириллов, В.А. Обручев, А.К. Кузнецов, Э.Р. Рыгдылон, Г.П. Сергеев, А.П. Окладников, Р.Ф. Тугутов, Н.Н. Диков, В.В. Волков, Ю.С. Гришин, Д. Дорж, Э.А. Новгородова, В.И. Молодин, А.И. Мазин, А.В. Тиваненко, А.К. Конопацкий и др. Благодаря их общим усилиям сложилась современная классификация и хронология памятников наскального искусства Забайкалья бронзового и раннего железного веков. Можно наметить ряд крупных этапов, которые характеризовались формированием совокупности научных представлений о разных аспектах изучения петроглифов, но различались качественно новым уровнем их содержания. В целом выделяется три таких периода. Первый из них датируется с 1735 до 1917 гг., второй - с начала 1920-х гг. до 1970 г., третий - с начала 1970-х гг. до настоящего времени.

Первый период 30-х гг. XVIII в. - 1917 гг., характеризуется как время эпизодического изучения забайкальских писаниц. За почти 200-летний период вышло всего 8 печатных работ, в которых этим памятникам уделялось весьма скромное место. Это свидетельствует о том, что в данный период петроглифы селенгинского типа (ПСТ) еще не стали предметом специального исследования ученых. Вместе с тем именно на этом этапе исследователи XVIII-XIX вв. Г.Ф. Миллер, Э. Лаксман, М.А. Кастрен, Н.А. Бестужев, Д.П. Давыдов, Н.В. Кириллов, В.А. Обручев, А.К. Кузнецов наметили некоторые направления их изучения. Они в предварительной форме выявили ареал их распространения, охарактеризовали некоторые особенности топографического расположения на местности, начали выделять изобразительные сюжеты и осуществлять их классификацию. Такие аспекты, как датировка, культурная принадлежность, интерпретация семантики рассматривались лишь на уровне предположений. Таким образом процесс научного осмысления материалов писаниц бронзового и раннего железного веков происходил очень медленно, особых успехов на этом этапе достичь не удалось. Такая ситуация во многом объясняется позицией официальной российской историографии того времени к изучению истории национальных окраин Российской империи. Внимания к их истории уделя-

лось немного, поэтому уровень научной разработанности археологии края в это время находился в зачаточном состоянии.

Для *второго периода, длившегося с начала 1920-х гг. до 1970 г.*, характерны следующие особенности. После Октябрьской революции 1917 г. в связи с изменением отношения в государстве к изучению истории народов СССР темпы полевых исследований писаниц в Забайкалье значительно возросли, хотя аналитический уровень интерпретации в эти годы не претерпел значительных изменений. Причина заключалась, прежде всего, в том, что периодизация древней истории Забайкалья в это время еще только разрабатывалась, поэтому практически невозможно было обосновано определить датировку писаниц и выйти на интерпретационный уровень исследований.

В 1920-30-х гг. на территории Сибири были проведены крупномасштабные археологические исследования, результатом которых стало создание периодизаций древней истории крупных регионов - Южной, Западной и Восточной Сибири. В Забайкалье такая работа была проведена Бурят-Монгольской археологической экспедицией под руководством Г.П. Сосновского. Г.П. Сосновский опубликовал разработанную им периодизацию в статьях 1930-х гг. Успехи довоенных исследований не замедлили сказаться на изучении наскального искусства Забайкалья, интенсивность исследования которого резко возросла в период работ Второй Бурят-Монгольской археологической экспедицией под руководством А.П. Окладникова. Подойдя к анализу многократно увеличившейся источниковой базы забайкальских писаниц уже с позиций разработанной периодизации древней истории Забайкалья, Южной Сибири и Монголии, А.П. Окладников поднял изученность петроглифов на качественно новый уровень. Более четко был охарактеризован ареал распространения писаниц, разработана классификация сюжетов, обоснована датировка. В предварительной форме А.П. Окладников интерпретировал семантику изображений, определил их культурную принадлежность. Была предложена классификация наскальных рисунков Забайкалья на две группы: писаницы селенгинского типа и петроглифы, выбитые в точечной технике. Таким образом разработки А.П. Окладникова конца 1940 - начала 1950-х гг. позволили превратить их в полноценные исторические источники по изучению бронзового и раннего железного веков региона.

Происходит расширение круга исследователей писаниц как за счет разработки региональных концепций бронзового и раннего железного веков Забайкалья и Монголии в центральных учреждениях, так и в результате создания местных научных центров в Сибири. Петроглифами занимались Н.Н. Диков, В.В. Волков, Д. Дорж и др. Но ведущая роль в этом процессе в те годы безусловно принадлежала А.П. Окладникову. В 1958 г. он добавил к предложенной им ранее классификации группу лесных писаниц (ПЛТ), а в 1969 г. выделил «кяхтинскую» группу (ПКТ). А.П. Окладников

высказал ряд новых идей и развивал высказанные ранее положения о петроглифах Забайкалья.

Датировка Н.Н. Диковым времени появления ПСТ началом I тыс. до н.э. породила дискуссию по этой проблеме. Мнение А.П. Окладникова об их скифском возрасте поддержал В.В. Волков. Критически в адрес А.П. Окладникова по датировке забайкальских писаниц высказался А.А. Формозов, но, следует отметить, без обоснованной аргументации. По остальным же аспектам изучения ПСТ мнения исследователей не расходились со взглядами А.П. Окладникова.

Рассматриваемый период завершился выходом двухтомной фундаментальной монографии А.П. Окладникова и В.Д. Запорожской «Петроглифы Забайкалья». В ней авторы представили детально разработанную концепцию петроглифов Забайкалья бронзового и раннего железного веков. Было обосновано выделение трех групп: петроглифов селенгинского типа, петроглифов кяхтинского типа, петроглифов лесного типа. Исследователи разработали хорошо аргументированную датировку выделенных групп. Петроглифы селенгинского типа были датированы поздним бронзовым веком и скифским временем, петроглифы кяхтинского типа - VI-III вв. до н.э., петроглифы лесного типа - в пределах бронзового века. Авторы проанализировали семантику разных типов петроглифов и показали их связь с идеями культа плодородия домашних и диких животных, благополучия родовых коллективов. Петроглифы Забайкалья предстали как важнейшая составляющая часть духовной культуры древнего населения края и ценный источник по изучению культурно-исторических процессов в рассматриваемые эпохи. Содержание монографии А.П. Окладникова и В.Д. Запорожской на долгие годы предопределило основные направления по исследованию наскального искусства Забайкалья и Монголии и сохраняет свое научное значение и в настоящее время.

Третий период начался в начале 1970-х гг. и продолжается в настоящее время. В это время были достигнуты значительные успехи в интерпретации петроглифов рассматриваемых периодов. Они были обусловлены, с одной стороны, значительным ростом источниковой базы, а с другой - изменениями в методических подходах к исследованию писаниц и их анализу. Стали проводиться систематические раскопки жертвенников, была получена серия радиоуглеродных дат, при обработке материалов шире стали использоваться методы математической классификации и т.д.

В целом исследование петроглифов Забайкалья в это время развивалось в двух направлениях. Одно из них было связано с дальнейшей разработкой идей, высказанных на предыдущих этапах. В таком русле работали А.П. Окладников, Р.С. Васильевский, В.И. Молодин, Э.А. Новгородова, Д. Дорж, А.В. Тиваненко и др. Например, А.П. Окладников, В.И. Молодин и А.К. Конопацкий выделили «баргузинскую» группу петроглифов, сочетающую в себе черты петроглифов селенгинского типа и петроглифов лес-

ного типа. Изыскания в Прибайкалье подтвердили правомерность ее выделения. Это направление исследований свидетельствовало о сохранении преемственности процесса изучения забайкальских писаниц, что вполне оправданно и закономерно для процедуры научного исследования.

Второе направление исследований условно можно назвать новаторским. Наиболее полно оно представлено в работах А.И. Мазина. Суть данного направления связана с проведением целенаправленных раскопок рядом с писаницами. При этом А.И. Мазин в полной мере реализовал подход к исследованию писаниц, связанный с изучением жертвенников. Систематические их раскопки в Восточном Забайкалье в совокупности с открытием разнотипных писаниц и полученными радиоуглеродными датами дали А.И. Мазину принципиально новые материалы и информацию по классификации и датировке этих памятников.

В результате А.И. Мазин впервые для Забайкалья аргументировано отнес ко времени раннего металла часть петроглифов, которые было принято считать петроглифами селенгинского типа и датировать эпохой поздней бронзы и раннего железа. Было выделено несколько стилей в наскальном искусстве Восточного Забайкалья и верховий Амура (охотничий, оленеводческий, степной) и прослежено их развитие на протяжении эпохи раннего металла, бронзового и раннего железного веков. Исследователь показал возможности петроглифов для решения проблем генезиса культуры плиточных могил, формирования прототунгусского этноса. Использование подходов А.И. Мазина к исследованию писаниц Западного Забайкалья и Монголии может внести существенные изменения в сложившиеся представления о петроглифах этих территорий. Определенной новизной характеризуются и подходы к изучению петроглифов селенгинского типа, намеченные Н.Н. Кочмаром и А.В. Тиваненко.

На протяжении трех выделенных периодов были разработаны многие важные проблемы исследования петроглифов эпох бронзы и раннего железа Забайкалья. Вместе с тем, не смотря на достигнутые успехи, в их изучении остается немало слабо разработанных вопросов или таких проблем, которые пока еще не привлекали внимания исследователей. Так, остаются актуальными и недостаточно разработанными проблемы создания внутренней периодизации развития наскального искусства Забайкалья на протяжении рассматриваемого времени, происхождения степного стиля и его исчезновения на рубеже эр. Если вопросы классификации сюжетов петроглифов получили достаточное освещение, то эволюция их образов пока разработана слабо. Обращает внимание полное отсутствие в Забайкалье петроглифов хуннского времени, что трудно объяснимо. Существуют и проблемы интерпретационного уровня. Разрабатываемое в 1980-90-ые гг. направление их изучения как составной части святилищ далеко еще себя не исчерпало. Весьма перспективна разработка связи писаниц с развитием палеоэкономики, социальной и духовной жизни древнего населения За-

байкаля.

Обозначенные выше проблемы, перечень которых может быть расширен, представляют собой по сути направления их дальнейшего исследования. Достигнутые же успехи представляют собой ту базу, на основе которой можно приступить к их решению. Многие из них уже начинают разрабатываться.

Отсутствие в Забайкалье петроглифов хуннского времени на фоне многочисленных селенгинских писаниц создает впечатление о каком-то внезапном прекращении в Забайкалье традиции нанесения наскальных рисунков с наступлением хуннской эпохи. С этим можно было бы согласиться, если бы аналогичная ситуация прослеживалась и в других районах проживания хунну. Однако на территории Монголии петроглифы хуннского времени известны в горах Монгольского и Гобийского Алтая - в ущелье Яманы-Ус, на горе Ханын-хад, в Завсаре и др. В диссертации разработан следующий вариант решения проблемы. Петроглифы, подобные изображениям вышеуказанных памятников, отсутствуют на территории Забайкалья и прилегающих районов Монголии, вследствие того, что в этих областях хуннское население сформировалось на основе носителей культуры плиточных могил. Поэтому вполне возможно, что жители восточной части хуннской державы продолжали исповедовать верования, унаследованные ими от населения эпохи бронзы - раннего железа, и почитать прежние святилища, составной частью которых являлись петроглифы селенгинского типа. Если исходить из этой посылки, то можно предположить, что часть селенгинских петроглифов в качестве объектов сакрального характера продолжала использоваться хуннским населением Южного Забайкалья и Монголии - потомками населения культуры плиточных могил. Нельзя исключить и возможности того, что какая-то часть писаниц была нанесена на скалы на рубеже эр, т.е. в хуннскую эпоху, о чем еще раньше писали исследователи. Однако утверждать эту посылку пока невозможно, поскольку стилистически массив селенгинских писаниц крайне единообразен и в них практически не прослеживаются особенности изобразительного искусства хуннского времени. Вопрос этот требует дополнительной проработки и изучения.

В диссертации предложено решение вопроса о генезисе петроглифов селенгинского типа. Он рассмотрен в контексте особенностей культурно-исторической ситуации в регионе в эпохи неолита и бронзы, которые напрямую влияли на характер памятников и их распространение по территории края, а также сравнительного анализа сюжетов петроглифов лесного и селенгинского типов. Полученные результаты проверялись на примере эволюции одного из наиболее распространенного и поэтому центрального сюжета петроглифов селенгинского типа - антропоморфных изображений. Проведенный по указанным направлениям анализ имеющихся данных позволил сделать вывод о том, что формирование петрог-

лифов селенгинского типа было связано с некоторыми особенностями развития палеоэкономики и этнокультурных процессов древнего населения Южного Забайкалья и прилегающих районов Северной Монголии. Истоки этого процесса уходят в период развитого неолита, когда в регионе зарождается производящее хозяйство, а завершение было связано с утверждением производящего хозяйства в качестве ведущей отрасли экономики.

Проблемы культурной принадлежности и датировки петроглифов кяхтинского типа были рассмотрены с учетом новых подходов к интерпретации культурно-исторических процессов в регионе Южного Забайкалья и прилегающих районов Монголии в эпоху поздней бронзы и раннего железа. На основе корреляции сюжетов петроглифов кяхтинского типа с петроглифами бронзового и раннего железного веков с территории распространения культуры херексуров был сделан вывод об их принадлежности носителям этой культуры, появившимся в Юго-Западном Забайкалье в конце II - начале I тыс. до н.э.

§ 3. Выделение петроглифов эпохи средневековья и решение вопросов их интерпретации

Средневековые писаницы Забайкалья выделил А.П. Окладников в 1951 г. по материалам местонахождения Сарбадуй в долине р. Джиды. Исследователь вернулся к их изучению в монографии по забайкальским петроглифам уже на основе более широкой источниковой базы (памятники Бага-Заря, Табангутское обо, Хана-Шуллун) и выделил их в самостоятельную группу писаниц. А.П. Окладников дал этим материалам развернутую характеристику и исчерпывающий историко-культурный анализ. Рисунки выполнены краской и граффити. При классификации красковых писаниц исследователь выделил изображения воинов-всадников на лошадях, верблюдов, солярные знаки и др. Петроглифы в технике граффити характеризовались изображениями лошадей, везущих повозку, верблюдов, всадников, оленей, человечков и др. Имелись изображения буддийского храма, фигура божества-бодхисатвы. А.П. Окладников предложил датировку этих петроглифов. Выбитое изображение животного из Бага-Зари было отнесено к древнетюркской эпохе. Писаницы Сарбадуя, выполненные краской, исследователь связал с уйгурами и датировал ранним средневековьем. Рисунки из Хана-Шулууна и Табангутского обо в технике граффити были определены временем развитого средневековья начиная с XI-XII вв. и связаны со средневековыми монгольскими племенами. Изображения храма и божества были отнесены к XVI-XVIII вв.

А.П. Окладников рассмотрел семантику средневековых писаниц. Изображения всадников с Сарбадуя, по его мнению, имели в основе идеи героического эпоса скотоводческих народов Сибири. Писаницы монгольского времени показывали сцены кочевого быта, которые гармонировали со сведениями письменных источников древнемонгольского эпоса. Рисунок

ки XVI-XVIII вв. иллюстрировали проникновение в регион буддизма. Таким образом А.П. Окладников аргументировано показал неоднородность состава средневековых петроглифов Забайкалья в этническом, культурном и хронологическом отношении. Он отметил их малочисленность и их историческую ценность, заключающуюся в том, что они дополняли скудные сведения письменных источников по средневековой истории региона, с чем трудно не согласиться. В итоге А.П. Окладников дал исчерпывающий для своего времени анализ и историческую интерпретацию средневековых петроглифов Забайкалья, раскрыв их источниковедческие возможности.

В течение длительного времени петроглифы в районе Сарбадуя и Усть-Кяхты оставались единственными на территории всего забайкальского региона. Лишь в 1984 г. А.И. Мазин выявил писаницу Усть-Цорон в Восточном Забайкалье и датировал ее серединой I тыс. При классификации сюжетов он выделил изображения хвостатых антропоморфных фигур со щитами или луками, окружности с крестообразными начертаниями, трапециевидные фигуры с линиями внутри и др. Все изображения были выполнены охрой. Е.В. Ковычев связал эту писаницу с бурхотуйской культурой. В самых низовьях Шилки А.П. Окладников и А.И. Мазин выявили писаницы Кара, Джалинда и Средне-Шайкино, которые А.И. Мазин отнес к памятникам «мифического стиля», основной ареал которых уходил в Приамурье вплоть до Кумар.

В конце 1970 - начале 1980-х гг. А.В. Тиваненко пополнил источниковую базу по средневековым петроглифам новыми памятниками: Бичура, Айрак, Додогол, Воронково, Улюкчикан, Байкальское и Лударь в Бурятии, что расширило ареал их распространения до Северного Байкала. Давая историко-культурную оценку средневековым петроглифам Западного Забайкалья А.В. Тиваненко в 1989 г. высказал мнение о том, что они образуют «мощную метрополию» в районе Усть-Кяхта-Субуктуй-Зарубино и периферию в виде одиночных памятников от долины Хилка до северного побережья Байкала. Однако с такой интерпретацией вряд ли можно согласиться. Во-первых, «метрополию» в трактовке А.В. Тиваненко в действительности состоит всего из нескольких памятников - Табангутское обо, Хана-Шулуун, Бага-Заря, Заря, Субуктуй, т.е. их не 16, как указывает А.В. Тиваненко, а 5. При этом они состоят из разновременных петроглифов: изображения петроглифов кяхтинского типа относятся к эпохе поздней бронзы и раннего железа, рисунки в технике графитти - к монгольскому, позднесредневековому и, возможно, тюркскому времени. Если же эту «метрополию» распределить по трем периодам средневековой эпохи, то от нее практически ничего не остается. Другим аргументом А.В. Тиваненко для выделения «метрополии» является многочисленность изображений, насчитывающих десятки и сотни композиций. Можно согласиться с наличием сотен изображений, при чем разновременных, но не сотен композиций. Если же трактовать сосредоточение в одной местности нескольких

сотен изображений понятием «метрополия», то в таком случае на территории Южной Сибири и Центральной Азии можно выделить огромное количество «метрополий» наскальных рисунков разных эпох, что вряд ли будет способствовать объективному пониманию памятников наскального искусства. Более правильным будет констатировать наличие на территории юга Западного Забайкалья небольшого локального сосредоточения средневековых рисунков и искать более приемлемые варианты объяснений этому феномену.

В монографии 1994 г. А.В. Тиваненко изменил свою точку зрения на датировку и культурную принадлежность рисунков, которые ранее рассматривал как «метрополию средневековых петроглифов» на юге Западного Забайкалья. На этот раз он, не приведя серьезных аргументов, интерпретировал их в качестве культовых памятников хунну. В этой же монографии А.В. Тиваненко совершенно произвольно трактует результаты работ А.И. Мазина по петроглифам «мифического стиля». А.И. Мазин четко указал, что ареал их распространения начинается от низовьев Шилки и ее слияния с Аргунью и уходит вниз по Амуру до Кумар, т.е. фактически в Приамурье. Ни в одной из работ А.И. Мазин не связывал петроглифы «мифического стиля» с бурхотуйской культурой. А.В. Тиваненко без каких-либо серьезных пояснений включил в ареал распространения петроглифов «мифического стиля» территорию всего Восточного Забайкалья и отнес их к бурхотуйской культуре, а также причислил единственный известный, по мнению Е.В. Ковычева, памятник бурхотуйской культуры Усть-Цорон к петроглифам «мифического стиля».

Мы подробно остановились на некоторых позициях А.В. Тиваненко по той причине, что он прямо пишет об обнаружении в междуречье Шилки и Аргуни большого количества петроглифов с мифологическими сюжетами, о связи их с бурхотуйской культурой и даже о том, «что подавляющее большинство бурхотуйских наскальных изображений нанесено вторым пластом на петроглифах эпохи бронзы и даже каменного века»¹. Ни А.П. Окладников, ни А.И. Мазин, первооткрыватели петроглифов Восточного Забайкалья, не приводили таких данных о палимпсестах на памятниках Кары, Джалинды и Средне-Шайкино в низовьях Шилки.

По сути этими данными исчерпываются сведения об изучении петроглифов эпохи средневековья на территории Забайкалья. До сих пор раздел монографии А.П. Окладникова и В.Д. Запорожской по этой группе писаниц остается наиболее полной интерпретацией материалов данных памятников.

Имеющиеся материалы по средневековым петроглифам Забайкалья позволяют сделать следующие выводы. Несмотря на неоднократное об-

¹ Тиваненко А.В. Древние святилища Восточной Сибири. – Новосибирск: Наука, Сибир. отделение, 1989. – С. 73.

следование разных районов Забайкалья крупными экспедициями из Ленинграда, Москвы, Новосибирска, Читы и Улан-Удэ, исследователями наскального искусства (А.П. Окладников, А.И. Мазин, А.В. Тиваненко), обнаружено всего 12 писаниц. Для огромной территории Забайкалья этого количества крайне мало.

В территориальном отношении средневековые писаницы не образуют крупных скоплений, а наоборот разбросаны точечно в разных районах региона и удалены друг от друга. В хронологическом отношении они разделяются, по меньшей мере, на три пласта: раннесредневекового, монгольского и позднесредневекового времени. Если писаницы распределить по этим периодам, то их представительность в рамках каждого из периодов уменьшится еще более.

Выявленные петроглифы одного хронологического пласта раннесредневекового времени (Сарбадуйская группа, Усть-Цорон и Кара) существенно различаются между собой сюжетами. При этом сюжеты сарбадуйских писаниц Западного Забайкалья обнаруживают определенную близость к синхронным прибайкальским и монгольским петроглифам, а восточнозабайкальские - к приамурским памятникам. Вместе с тем техника исполнения сарбадуйских, усть-цоронских и карских петроглифов сближает их между собой - и те и другие нанесены краской.

Средневековые рисунки на всех местонахождениях соседствуют с изображениями более раннего времени, а именно - петроглифами селенгинского типа.

В совокупности приведенные наблюдения позволяют сделать вывод о том, что в средневековую эпоху в Забайкалье, видимо, не существовало устойчивой традиции наскального искусства. Это и объясняет малочисленность памятников. По всей видимости средневековое население края наблюдая на скалах Забайкалья многочисленные петроглифы селенгинского типа спорадически предпринимало в некоторых районах попытки изображения рядом с ними своих рисунков, при чем также минеральной краской на основе охры, но эти начинания не оформились в традицию. При этом на сюжетах петроглифов раннего средневековья прослеживается влияние традиций соседних областей: в Западном Забайкалье - прибайкальского и монгольского, в Восточном Забайкалье - приамурского. Наличие писаниц мифического стиля в низовьях Шилки свидетельствует, видимо, о проживании там групп населения, которые в культурном отношении были близки к жителям Приамурья.

С другой стороны раскопки жертвенников у петроглифов эпох бронзы и раннего железа выявили следы жертвоприношений средневекового времени, тогда как на скалах отсутствовали изображения этой эпохи. Данные факты свидетельствуют о том, что средневековое население Забайкалья продолжало использовать скалы с рисунками в качестве святилищ, но не наносило рядом с более ранними изображениями своих рисунков, пред-

принимая для этой цели лишь единичные попытки. Трудно однозначно судить о причинах такого явления. Одной из них могла быть боязнь потревожить духов, которые представлялись в воображении людей средневековой эпохи «хозяевами» местности и оставили на скалах свои знаки - наскальные изображения.

В целом же история открытия и разработки периодизации петроглифов Забайкалья и эволюции представлений об их историческом содержании свидетельствуют о том, что наиболее многочисленными и изученными из них являются памятники бронзового и раннего железного веков. Они попали в поле зрения исследователей раньше писаниц других эпох, еще в 30-х гг. XVIII в. Наскальные рисунки эпох неолита и средневековья были выделены именно на фоне их изучения уже гораздо позже в 1950-60-х гг., а палеолита и мезолита - в 1980-х гг.

Заключение

В заключении подведены итоги. Совпадение выделенных хронологических периодов в процессе создания источниковой базы по петроглифам Забайкалья и в разработке научных представлений о различных аспектах изучения этих памятников позволило создать единую периодизацию исследования памятников наскального искусства Забайкалья с выделением трех этапов.

Для *I этапа 30-х гг. XVIII в. - 1917 г.* характерны следующие особенности. В течение этого периода времени процесс формирования источникового фонда и его осмысления происходил очень медленно. Такая ситуация во многом объясняется тем, что интерес к памятникам древности Забайкалья, в частности наскальным рисункам, и уровень научной работанности археологии края в целом в это время находились в зачаточном состоянии. Незначительный объем проведенных исследований и небольшое количество публикаций указывают на то, что петроглифы в данный период еще не стали предметом специального исследования ученых. *II этап начала 1920 - конца 1960-х гг.* характеризуется неуклонным ростом темпов полевого изучения и научного осмысления забайкальских петроглифов. Резко возрастает количество открытий писаниц, усиливается качество обработки многократно расширяющейся источниковой базы по ним, увеличивается круг их исследователей. В этот период на основе хорошо разработанной периодизации древних памятников Забайкалья, Южной Сибири в целом, а также Монголии было положено начало научно обоснованному осмыслению материалов забайкальских писаниц. В итоге данные памятники превратились в настоящие, полновесные исторические источники по изучению древней истории Забайкалья и Северной Монголии. Результаты исследований рассматриваемого этапа на долгие годы предопределили основные направления по исследованию наскального искусства Забайкалья и Монголии и сохраняют свое научное значение и в настоящее

время. III этап от начала 1970-х гг. до наших дней характеризуется появлением нового поколения исследователей петроглифов Забайкалья в традиционном центре ИИФФ СО РАН в Новосибирске и в самом Забайкалье в Улан-Удэ. Это вызвало резкую активизацию полевых исследований петроглифов в обеих частях региона - западной и восточной его частях. Процесс сопровождался появлением новых подходов в полевых экспедиционных исследованиях и, как следствие, формированием новых представлений и идей в историографии.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

1. Цыбиктаров В.А. К истории изучения петроглифов «селенгинского» типа // Молодая археология и этнология Сибири. 39-й РАЭСК. Доклады. Ч. 1. - Чита, 1999. - С. 34-36.

2. Цыбиктаров В.А. К классификации петроглифов «селенгинского» типа Западного Забайкалья в связи с вопросом об их относительной хронологии // Наследие древних и традиционных культур Северной и Центральной Азии: материалы 40-го РАЭСК. - Т. 1. - Новосибирск: Изд-во Новосибирского государственного университета, 2000. - С.162-164.

3. Цыбиктаров В.А. Старая Капчеранка 2 - новый петроглиф «селенгинского» типа // Историко-культурное наследие Северной Азии. Материалы 41-го РАЭСК. - Барнаул: Изд-во Алтайского государственного университета, 2001. - С. 452-454.

4. Цыбиктаров В.А. Лесные элементы в петроглифах селенгинского типа и вопрос о генезисе селенгинских писаниц Южного Забайкалья и Северной Монголии // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. - Улан-Удэ - Чита: Изд-во Бурятского государственного университета, 2002. - С. 56-63.

5. Цыбиктаров В.А. К истории изучения кяхтинских петроглифов // Культура Сибири и сопредельных территорий в прошлом и настоящем. Материалы Всероссийской 43 археолого-этногр. конференции молодых ученых. - Томск: Изд-во Томского государственного университета, 2003. - С. 79-81.

6. Цыбиктаров В.А. О культурной принадлежности и датировке писаниц «кяхтинской» группы Юго-Западного Забайкалья // Человек, среда, время. - Чита: Изд-во ЗабГПУ, 2003. - С. 158-163.

7. Цыбиктаров В.А. К истории изучения «кяхтинских» петроглифов Забайкалья // Историческое, культурное и природное достояние. - Вып. IV. - Улан-Удэ: Изд.-полигр. комплекс ВСГАКИ, 2004. - С. 127-134.

8. Цыбиктаров В.А. Историографические аспекты изучения петроглифов селенгинского типа в отечественной археологической литературе (конец 1940-х - 1970 гг.) // Известия лаборатории древних технологий. - Вып. 2. - Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2004. - С. 159-166.

9. Проблемы хронологии, культурной принадлежности памятников и этнокультурной ситуации в Юго-Западном Забайкалье и прилегающих

районах Монголии в эпоху поздней бронзы и раннего железа // Российский гуманитарный научный фонд и фундаментальная наука в Сибири: Материалы научно-практической конференции, посвященной 10-летию РГНФ. - Улан-Удэ, 2004. - С. 105-109 (в соавторстве с А.Д. Цыбиктаровым).

10. Цыбиктаров В.А. Петроглифы селенгинского типа в трудах отечественных исследователей 1970-х - начала 2000-х гг. // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. - Вып. 2. - Улан-Удэ: Изд-во Бурятского государственного университета, 2004. - С. 103-120.

11. Цыбиктаров В.А. О селенгинском компоненте в хуннском наскальном искусстве // Известия лаборатории древних технологий. - Вып. 3. - Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2005. - С. 16-20.

12. Цыбиктаров В.А. Формирование источникового фонда по петроглифам Забайкалья в дореволюционный период (30-е гг. XVIII в. – 1917 г.) // Народы Внутренней Азии: этносоциальные процессы в геополитической и цивилизационной динамике. - Улан-Удэ: Изд-во Бурятского государственного университета, 2006. - С. 57-60.

13. Цыбиктаров В.А. О возможности палеолитической датировки раннего пласта рисунков грота Шаман-Горы на границе Восточного и Западного Забайкалья (бассейн р. Хилок) // Известия лаборатории древних технологий. - Вып. 4. - Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2006 (0,6 п.л., в печати).

Подписано в печать 15.11.06. Формат 60 x 84 1/16.
Усл. печ. л. 1,4. Тираж 150. Заказ 1890.

Издательство Бурятского госуниверситета
670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а